Ф.Н.Двинятин

ТРАДИЦИОННЫЙ ТЕКСТ В ТОРЖЕСТВЕННЫХ СЛОВАХ св. КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО.

Библейская цитация

0. Для описания любого текста важно выяснить закономерности его отношения к текстам-предшественникам; для средневекового текста проблема его взаимоотношений с традицией — едва ли не центральная. Предваряя рассмотрение библейской цитации в Торжественных словах св. Кирилла Туровского, сделаем несколько беглых замечаний, ставящих целью соотнести эту проблему с более общим контекстом.

1) Едва ли правомерно по отношению к средневековому автору говорить об использовании "чужого текста". Может быть корректнее обсуждать использование "традиционного текста" в "традиционном тексте", например, св. Кирилла (разумея в первом случае "заданный в традиции", а во втором — "продолжающий традицию, создаваемый в соответствии с традицией").

2) Полным и вполне плодотворным исследование роли традиционного текста в данном средневековом памятнике может быть только при условии обоюдоострости. Обсуждение традиционности текста неизбежно двухчастно: важна область сходства с традицией, следования ей, но не менее важно область оригинальности, развития традиции. В каком направлении преобразуется текст-источник? каковы стилистические отличия в оформлении традиционных топосов? и т.д.

3) В Торжественных словах св. Кирилла выделяются по крайней мере три регулярных генетических пласта традиционного текста: св. Писание, гимнография, гомилетика (плюс спорадическое обращение к другим жанрам, историческим хроникам, например). В действительности, разумеется, картина не столь четкая, ибо гимнография и гомилетика основываются на повторении и развитии библейских фрагментов, мотивов, формул, а последние зачастую заимствуются через посредство названных традиций, причем и гомилетические тексты могут следовать гимнографическим, и наоборот, и т.д.

4) Использование традиционного текста членится на две группы в соответствии с наличием/отсутствием локализуемого

источника заимствования. Во втором случае перед нами обширная область топики (Curtius, 1948, 87-113; Čiževsky, 1956; Буланин 1983 и др.; Козлов 1982, 1992; Двинятин, в печати). Но топика, в свою очередь, представлена не только "макротопикой" топосов, но и "микротопикой" формул (см.: исследование древнерусского литературного языка, где решающее место отводится его формульности: Колесов 1989, ср. с многочисленными работами, вызванными к жизни гипотезой Пэрри-Лорда).

5) Триодный характер Торжественных слов св. Кирилла обычно только констатируется, меж тем как значение его велико как для семантической структуры текста (антитетичность, опора на важнейшие онтологические оппозиции, повышенное внимание к позициям их снятия, инверсии или иного разрешения), так и для взаимоотношений текста с традицией. Кирилловы источники — триодная гимнография, триодная гомилетика, и даже по отношению к св. Писанию это, в первую очередь, евангельские фрагменты, описывающие события, которым посвящены праздники пятидесятницы, триодные ветхозаветные паремии, избранные псалмы и т.д. Характерно, что этот триодный характер выделяет гомилии св. Кирилла из всего круга классических памятников древнерусской церковной литературы, из круга его же прочих сочинений, но сближает с гомилетикой (отчасти триодной) св. Климента Охридского и Иоанна Экзарха Болгарского (ср. Мончева 1980; Феринц 1982; Николова 1988, там же см. библиографию; Станчев, Попов 1988, 105; Баженова-Рагрина 1993 и др.).

6) Наконец, последнее. Проблема традиционного текста — это, в действительности, две проблемы: его выявления (объема) и его описания (структуры). Вторая задача в известном смысле последует первой, которая и ныне не вполне решена. Но некоторые выводы можно предложить уже сейчас; их неизбежная предварительность искупается, в частности, тем, что, как мы уже сказали выше, для средневекового текста это проблематика ключевая и полное описание текста вне выводов о его отношении к традиции невозможно.

1. Библейский текст в сочинениях св. Кирилла Туровского — тема, безусловно, не новая.

В первую очередь, она связана с именем М.И.Сухомлинова, выделившего в проповеднических текстах св. Кирилла все библейские цитаты, маркированные в качестве таковых, а также несколько немаркированных (в дальнейшем, цитируя текст, мы будем ссылаться на его издание: Рукописи графа С.С.Уварова. СПб., 1858, с указанием страницы). В подавляющем большинстве случаев Сухомлинов определил источники цитат и в самом общем виде рассмотрел проблему "библейского влияния" на язык и стиль древнерусского оратора (Сухомлинов, 1858, X-XIII).

В последнее время проблема стала предметом специального рассмотрения в цикле статей московской исследовательницы Е.Б.Рогачевской (Рогачевская, 1988, 1989а, 1989б, 1992а, 1992б), писавшей о редакциях библейских текстов, по которым цитировал св. Кирилл, о принципах соотношения цитируемого текста с общим замыслом произведения, о некоторых специфических особенностях Кирилловой цитации, а также о соотношении с подобными принципами и особенностями у св. Иоанна Златоуста и митрополита Илариона.

В недавней работе А.И.Наумова (Наумов 1993) рассмотрены проблемы реконструкции мировоззрения средневекового автора sub specie роли св. Писания.

Однако проблематика библейской цитации у св. Кирилла этим отнюдь не исчерпана. Не решен окончательно вопрос об объеме библейского цитирования. По-прежнему сохраняется неясность с типами текстов, служивших источниками цитирования. Остаются открытыми некоторые лингвистические аспекты обсуждаемой проблемы. Наконец, не проведено сплошное исследование библейских цитат в тексте Торжественных слов с целью определения их основных структурных и функциональных особенностей, а также их соотношения.

Последнее важнее всего для постановки задачи этой статьи. Основные функциональные типы библейской цитации у св. Кирилла; важнейшие характеристики каждого из этих типов; роль цитаты в композиции и семантике текста; включение цитаты в структуру текста и организация ею структуры текста — вот вопросы, которые будут рассмотрены здесь, подчас с неизбежной краткостью.

Разумеется, это лишь один из возможных подходов к проблеме, но сам материал располагает ко множеству исследовательских и дисциплинарных методик (ср., в частности, Визгелл 1971; Розов 1976; Коновалова 1979; Станчев 1982, 66-75; Кара 1983; Naumov 1983; Кабакчиев 1985; Минчев 1985; Рождественская 1986; Колесов 1989, 216-219; Топоров 1988а, 24-34; 1988б, 29-36; и др.). Помнить об этом важно точно также, как и о том, что проблема оригинальности и традиционности текстов св. Кирилла всегда была в центре внимания писавших о них ученых (Каченовский 1822; Калайдович 1822; Сухомлинов 1858; Баратынский 1863; Шевырев 1887, 142-143; Голубинский 1880, 256-270; Вадковский 1881, 77 сл.; Лопарев 1893, 3-6; Владимиров 1900, 164; Петухов 1912, 10; Виноградов 1915, 97-178; Vaillant 1950; Бегунов, 1974; Колесов 1981, 1989, указ.; и др.).

2. Основными структурными особенностями библейской цитаты в произведении древнерусского писателя, на наш взгляд, являются:

1) маркированность цитаты в качестве таковой. Немаркированная цитата противопоставляется всем разновидностям мар-

кированной. Последних обычно выделяют три: точное указание на библейскую книгу/автора ("Исайя", "Марк"), указание на тип книги (*"пророк", "евангелист"*), общее указание на цитатный характер фрагмента (*"речено бысть"*). Есть и другие, переходные случаи: так, указание на ап. Павла занимает промежуточное положение между точным указанием и указанием на тип книги; ссылка на эпизод книги Бытия может содержаться в назывании действующего в этом эпизоде праотца и т.д.;

2) принадлежность цитируемого текста той или иной библейской книге. Важнее всего — из Ветхого или Нового Завета цитата, но и более дробное подразделение соотносимо с функциональной ролью цитаты в тексте. Возможны переходные случаи, когда фрагмент Ветхого Завета цитируется затем в Новом, и не всегда понятно, откуда конкретно заимствует древнерусский автор;

3) объем цитаты. Основные рубрики классификации: менее одного стиха, один стих, более одного стиха. Учитывая абстрактность понятия "библейский стих" для раннего русского средневековья, не следует придавать ему излишний "структурный" смысл;

4) мотивированность в традиции появления данной цитаты в данном тексте. В самом тесном смысле — это календарно-богослужебная мотивация, далее — использование цитаты в гомилетических текстах-образцах, вообще в традиции и т.д.;

5) буквальность цитаты. Неоднократно констатированная возможность употребления в текстах славянского средневековья небуквальной цитации не снимает самой проблемы соотношения буквальности и небуквальности, причем соотношения как абсолютного, так и позиционного. Предельный случай цитатной небуквальности — контаминация различных фрагментов библейского текста;

6) композиционные особенности введения цитаты в текст. Двумя случаями, противопоставленном и изолированному употреблению цитаты (нейтральная позиция), являются цитатный блок ("цитатный период", "цитатная амплификация") и разделение цитируемого текста на отдельные фрагменты, перебиваемые авторскими вставками;

7) собственно стилистические особенности введения цитаты в текст. Может быть, точнее говорить о стилистической организации цитатой текста, или, чтобы не устанавливать предварительно причинно-следственные отношения,— о стилистическом контексте цитаты. При этом мы исходим из того, что внутренняя организация текста неоднородна, и в нем существуют различные типы синтаксического развертывания. Эти типы и создают разнообразие стилистических контекстов[1].

3. Указанные структурные характеристики важны сами по себе. С другой стороны, определенным образом сочетаясь, они

образуют три господствующие в тексте Торжественных слов функциональных типа библейской цитаты. Точнее, впрочем, говорить о трех функциональных типах использования библейского текста, ибо, как будет ясно в дальнейшем, только один из них может быть признан цитированием в полном смысле.

Из примерно 80 цитат (более точный подсчет затруднен наличием ряда переходных случаев), вычлененных в тексте Торжественных слов М.И.Сухомлиновым[2], лишь около 15 не подходят ни под один этот тип. Но, во-первых, 8 из них приходятся на Слово на Вознесение, вообще "нетипичное" для Кирилла sub specie библейской цитации (подобные "выпадения" одного-двух текстов по какому-либо признаку вообще весьма характерны для этого цикла). И, во-вторых, некоторые случаи, остающиеся вне трех типов, так или иначе тяготеют к одному из них (об этом идет речь ниже).

Итак, три названных типа — это: 1) сугубая цитата (дважды цитата); 2) сюжетообразующий пересказ; 3) немаркированная цитата. Рассмотрим их подробнее.

4. Композиция текстов св. Кирилла Туровского, конечно, намного сложнее господствующей трехчастной схемы "вступление — центральная часть — заключение" (Сушицький 1920, 4-5; Еремин 1962, 52 сл.), хотя бы (но не только) потому, что "центральная часть" сама нередко имеет достаточно прихотливую композицию. Одним из устойчивых композиционных элементов Кирилловых гомилий является увещевательная речь одного из участников событий к другому (другим). В Слове на Пасху 1) ангелы обращаются к женам, а 2) Спаситель — к двоим ученикам; в Слове на Фомину неделю 3) Спаситель к Фоме; в Слове об Иосифе 4) Иосиф к Пилату; в Слове о расслабленном 5) Спаситель к расслабленному, а 6) расслабленный к иудеям; в Слове о слепце 7) часть недоумевающих иудеев к остальным, и 8) слепец к ним же; в Слове на Никейский собор 9) никейские отцы к Арию и, наконец, переходный случай: в Вербном слове 10) структурно-стилистические особенности этой речи (к иудейским первосвященникам) проявляются в авторском тексте проповедника. Несмотря на несомненную эмоциональную разницу при обращении к апостолу Фоме или еретику Арию, эти речи объединены общей семантикой: призывом убедиться и поверить (либо обличением в злостном нежелании признать факт или явить веру). Одним из аргументов всегда, кроме случая 6, является совпадение пророчества и осуществления.

Соответственно, на уровне текста одним из основных структурных элементов такой речи является блок, как раз и состоящий из цитат, названных нами выше "сугубыми" (дважды цитатами). Общее число их более 50, основные структурные особенности следующие:

а) во всех блоках, кроме 9, преобладают ветхозаветные цитаты (пример 5/6 случаев), из 6 новозаветных 5 цитат в речи 4, т.е. говоря с Пилатом, Иосиф ссылается, в частности, на факты самого недавнего прошлого. В случае 9 действие отстоит от евангельских событий на три столетия и новозаветные цитаты преобладают;

б) все цитаты маркированы. Преобладает (2/3 случаев) точная отсылка к именам автора библейской книги (вариант: "*и пакы*", "*и о гробѣ Его*" и др.; подтверждающие принадлежность новой цитаты прежде названному автору). Типы неточной отсылки: 1) по родовому определению библейского писателя ("*пророк*"); 2) по лицу, упомянутому в действии ("*кляхся Аврамови, гля*"); 3) общее указание на инкорпорируемый текст ("*рече*", "*речено бысть*")[3];

в) объем, как правило (2/3 случаев), в пределах одного библейского стиха; иногда (1/6 случаев) двух-трех стихов; в остальных случаях перед нами контаминация отрывков из разных глав одной книги или даже разных книг;

г) более чем в половине случаев цитату можно признать достаточно буквальной. Несмотря на лингвистическую неудовлетворительность подобного определения, принимаем его пока как единстсвенно возможное до выработки критерия "буквальности" цитирования библейского текста в древнерусской литературе. Прочие случаи расположены в диапазоне от замены в стихе одного значимого слова до контаминации отрывков разных книг.

Но самое важное, то, что, собственно, и создает этот тип как таковой — разумеется, не это. Единство относимых сюда случаев поддерживается тем, что они являются как бы дважды цитатами: они суть цитаты не только в самом тексте, для автора и слушателя/читателя, но и во внутренней реальности текста, для самих участников описываемых событий. Как цитаты они приводятся говорящим; как цитаты они должны убедить собеседника (1,2,3,5) или обличить противника (8, 9, 10). Поэтому указание на источник здесь ничуть не менее важно, чем сам приводимый текст; цитата, имеющая характер отсылки к авторитету, представляет собой неразделимое единство собственно текста и указания на источник, она существует как таковая только в их взаимосвязи. От воспринимающего требуется узреть осуществление пророчества и указания на источник, она существует как таковая только в их взаимосвязи. От воспринимающего требуется узреть осуществление пророчества, узнать в событиях или Самом Спасителе Того, о Ком говорили пророки. Иудеи и еретики — это те, кто не совершил узнавания.

5. Теперь нужно оговорить несколько более частных обстоятельств, связанных с сугубой цитатой. Заметим предварительно, что текст Торжественных слов св. Кирилла Туровского

организован, в частности, так, что реализации текстообразующей модели всегда значительно осложняют ее единство. Синтагматика сплошь и рядом поправляет парадигматику: оттеснением модели в какие-то сжатые отрезки текста (что наблюдается на примере рассматриваемого здесь материала), реализацией одной, в сущности, модели в нескольких типах вариантов, иногда очень несхожих, наконец, различного рода осложнениями исходной модели, создающими своеобразное иерархическое ее нисхождение от абсолютно сильных позиций в одних фрагментах текста к едва заметным отзвукам в других. В данном случае очевидны три таких осложнения.

а) Близкий к упомянутым цитатный блок в Слове на Вознесение. Выше было отмечено, что в отношении библейской цитации это своего рода исключение в цикле Торжественных слов св. Кирилла. Противопоставляет его (этот блок) вышеописанным случаям отсутствие диалогического контекста и ситуации ссылки на цитату во внутренней реальности текста; сближает — сам принцип цитатного блока и употребление цитат не в авторской речи, а в речи участников события[4]. Давид и Павел произносят тексты соответственно из Псалтыри и Посланий. Здесь происходит своеобразная нейтрализация двух контекстов. Антропоним у Кирилла может быть или именем участника событий (атрибут которого — действие) или именем библейского писателя (атрибут которого — текст). Но в этих контекстах действием является именно произнесение своего текста.

б) По отношению к речи 3 (Спасителя к Фоме), казалось бы, не может быть использовано выражение "цитатный блок". Цитатой здесь (и то с соответствующими оговорками) можно признать только текст, приписываемый Исайе. Но это, безусловно, редуцированный случай именно цитатного блока. Цитата редуцируется здесь до аллюзии, реминисценции, но библейские реминисценции выполняют сходную функциональную роль и сгруппированы по сходным синтагматическим правилам.

в) Эти синтагматические и, говоря более узко, синтаксические закономерности объединения цитат в блоки в разных случаях различны — от самого тесного блока в случае 2 до гораздо более сложных разновидностей. Более подробно способы включения цитаты в структуру текста и организации ею структуры текста рассмотрены ниже.

6. Итак, обратимся к тому, как расположены цитаты внутри рассматриваемых блоков.

Наиболее неосложненный случай блока сугубых цитат в Торжественных словах св. Кирилла — речь Спасителя к двум ученикам. Здесь содержится минимум словесного материала, не являющегося текстом цитат (будем называть его авторской речью, хотя это не речь автора в точном смысле слова: ведь согласно смыслу произведения, передается речь Христа. По отношению к тексту гомилии — это прямая речь; по отноше-

нию к тексту цитат — это речь авторская. Нам сейчас важен второй аспект). Авторская речь состоит только из средств, обслуживающих перечислительное нанизывание цитат: "*Не о Семь ли, рече, писа Моисии*: <...> *Д(а)в(и)д же о распятьи Его*: <...> *и пакы*: <...> *и о гробѣ Его*: <...> *то же и о въскр*нии Его: <...> *и пакы*: <...> *Исайя же о оучнцхъ Его*: <...>" (15-16). Называется каждый новый священный писатель и смысловой центр пророчества; если же то и другое неизменно, то следует просто "*и пакы*", обозначающее переход к следующей цитате.

Эта структура может осложняться введением регулярного дополнительного мотива. Тогда каждая (или почти каждая) авторская вставка выполняет помимо введения цитаты, с указанием на ее источник и, в некоторых случаях, на тематику, по крайней мере еще одну семантическую задачу, общую для авторских вставок всего блока.

Так, в Вербном Слове вставки осложнены констатацией непонимания пророчеств иудейскими первосвященниками (7-8). Крайне пространный блок в Слове об Иосифе организован, в частности, анафорическими рефренами с общим значением "*даждь ми тѣло Исуса*", повторяющимся во множестве нетождественных вариантов. Один оборот приходится на две-три цитаты и реминисценции (27-30). Блок реминисценций в Слове на Фомину неделю организован в начале чередованием антитетических оборотов "*вѣру ими Ми* <...> *а не буди невѣренъ*" (23-24). В Слове на Вознесение ритм создает перечисление чинов небесной и земной церкви и чередование вводящих прямую речь глаголов. Цитатный блок в Слове о расслабленном подчинен общей композиции текста, великолепной по формальной симметрии и семантической насыщенности, которым должна быть посвящена отдельная работа.

Рассмотрим один случай более подробно. В речи ангелов к женам в Слове на Пасху шесть цитат; из них вторая, четвертая и шестая вводятся фразами с синонимическими анафорами: "*Идѣте к апостоломъ рцѣте: оуже не крыите(с), се бо сбысться слово к вамъ реченое Исусово: Вмале к тому не витите мене* <...> *идѣте и рцѣте оу*ч*нкомъ: разумѣите о времени семь глаголѣвша Осию*: <...> *идѣте и рцѣте апостоломъ: се есть* днь, о немже рече Двдъ: <...>" (13-14). Это весьма изощренная структура. Текст первого уровня — это сама гомилия св. Кирилла. Текст второго уровня — являющаяся частью этой гомилии прямая речь ангелов, анафорические элементы в каждой фразе с императивами "*идѣте*" и "*рцѣте*", обращенными к женам. Текст третьего уровня — включенные в прямую речь ангелов слова жен, с которыми те должны обратиться к апостолам: фрагменты с императивами "*не крыйтеся*", "*разумѣите*" и т.д. Это уже дважды цитаты. Но в рекомендуемые женам реплики также инкорпорированы библейские фрагменты: это трижды цитаты, текст четвертого уровня. Другие библейские фрагменты вводятся в этом блоке более просто:

пятая цитата — "*и пакы Софония*", а третья императивным оборотом "*помяните пророка* <...> *писавшаго*", причем только из самого смысла пророчества можно понять, что это не ангелы обращаются к женам, а те должны обратиться к апостолам.

7. Вторым типом использования библейского текста в Торжественных словах св. Кирилла Туровского является пересказ того евангельского эпизода, который лежит в основе повествования. Здесь зависимость текста от триодных моделей особенно заметна, так как все Слова посвящены предустановленным праздникам, а каждый праздник посвящен воспоминанию о событии, описанном именно в данном месте Евангелия. Следовательно, использование того или иного библейского текста мотивировано в данном типе гораздо более жестко, чем в предыдущем.

Здесь снова необходимо сделать две оговорки. Во-первых, в Слове на Вознесение место Евангелия занимают Деяния, а именно 1 глава, теснее всего примыкающая к евангельскому повествованию, и используемый текст здесь вполне однороден евангельскому. Во-вторых, исключение представляет собой Слово на Никейский собор. В соответствии со структурой триодного цикла оно посвящено событиям уже не священной, а церковной истории, и повествовательная основа текста здесь иная.

Эти цитаты (будем пока употреблять этот термин) всегда календарно мотивированы, всегда относятся к новому Завету, всегда выходят за пределы одного стиха. Другие их структурные особенности рассмотрим более подробно.

В Слове об Иосифе перед нами цитатный блок, подобный описанным в предыдущем разделе, но без контекста диалога, без семантики убеждения, без существования цитаты как таковой во внутренней реальности текста. Это просто сводка из всех четырех евангелистов, применительно к описываемым событиям: с тесно расположенными и маркированными цитатами: "*яже* глть Матфѣи... Лука написа тако... Тѣмже Иванъ Фелогъ рече.. Марко же повѣдаетъ...". Обращает на себя внимание, в первую очередь, несовпадение всех четырех глаголов, вводящих цитату: *глаголати — написати — рещи — повѣдати*; далее, встречающаяся и в других фрагментах Торжественных слов охватная композиция глагольно-временных форм: презенс — аорист — аорист — презенс. Евангелисты названы, как требует логика изложения, но порядок их называния соответствует порядку расположения четьих Евангелий — за исключением Марка. Но цитата из Марка (немаркированная) помещена непосредственно перед рассматриваемым фрагментом, а последняя из четырех маркированных — ключевая в нем.

Все четыре цитаты небуквальны, представляют собой пересказ. Неожиданность заключается в том, что во всех четырех случаях, и в немаркированной (Марк XV: 46,47) перед нами пересказ сокращающий. Св. Кирилл опускает целые стихи, тем более синтагмы и словоформы; добавления минимальны: "*ка-*

мень велик" (в источнике "*камень*"); "*о(т) тою слышавъ*", но это, в сущности, тоже сокращенный пересказ предыдущих стихов. В блоке цитаты перемежаются с комментирующей авторской речью, которая здесь отнюдь не сводится к простому обслуживанию цитатного нанизывания, как это бывало в блоках, описанных ранее. Это своего рода переходный случай: форма его — но лишь отчасти — совпадает с предыдущим типом (блоком сугубых цитат), а семантика — почти полностью — принадлежит иному типу, евангельскому пересказу. Это единственный случай блока среди евангельских цитат.

Рассмотрим другой случай. В Слове на Пасху вводится цитата, якобы из Луки. Пересказ вновь отчасти сокращает текст, но главное для этого отрывка отнюдь не это, а регулярная контаминация текста Луки с текстами других евангелистов, отмеченная М.И.Сухомлиновым только отчасти.

видѣтъ гроба	нет у Луки, но	ср. Матфей 28:1
да тѣло помажють Исво	нет у Луки, но	ср. Марк 16:1
два англа в бѣлахъ ризахъ	у Луки иначе, но	ср. Иоанн 20:12, Матфей 28:2,3
идѣта <...> и рцѣта	нет у Луки, но	ср. Матфей 28:7, Марк 16:7

Далее цитирование прерывается для блока сугубых цитат и возобновляется уже без повторного маркирования. Изложение опирается последовательно на стихи: Лука 24:11; Лука 24:12 и Иоанн 20:3; Иоанн 20:4-6 (и Лука 24:12); далее повествование опять прерывается для экзегетического фрагмента. Оно возобновляется вновь, опираясь на текст Лука 24:13-27, и нарратив по-прежнему заметно и последовательно сокращается. Но здесь текст подвергается не только сокращению, но и одновременно и расширению, за счет минимальных комментирующих вставок. Таким образом, особенность, обнаруженная ранее в композиции целого текста (на "макроуровне") — прерывание повествования комментарием — проявляется здесь и в композиции отдельного фрагмента (на "микроуровне")

Но и это не все. Повествование вновь прерывается блоком сугубых цитат и вновь возобновляется в соответствии с Лука 24:28-35, причем текст-источник тоже в целом сокращается, но уже и с добавлениями, важнейшее из которых — мотив "язв гвоздиных" — явно межэпизодная контаминация с рассказом о Фоме (Иоанн 20:24-29).

Итак, мы рассмотрели евангельские пересказы в двух текстах; общим оказалось следующее. Объем текста-источника намного превышает один библейский стих, цитируется евангельский источник небуквально. Основные принципы видоизменения текста: 1) контаминация из всех упоминавших эпизод евангелистов; 2) всегда — сокращение повествования; 3) иногда — расширение текста за счет вставки фрагментов, содержащих авторский комментарий или той же контаминации. Прием контаминации может быть обнажен в форме цитатного блока,

может быть скрыт, когда св. Кирилл ссылается только на одного евангелиста. Цитаты, за исключением скрытых контаминаций, маркированы.

8. Но так обстоит дело не всегда. Цитируя в Слове о расслабленном Евангелие от Иоанна, св. Кирилл ограничивается общей отсылкой: "*г̄лть бо еванг(с)тъ*", в Слове о слепце указывает на "*Ивана Фелога, самовидца Х(с)выхъ чюдесъ*", а в Слове на Фомину неделю нет даже самого общего знака цитирования. Между тем основа текста — всегда Иоанн (эти эпизоды изложены только у него): соответственно 5:1-15; 9; 20: 24-29. В Слове о расслабленном текст-источник едва ли не равномерно распределен по тексту св. Кирилла (и не без контаминации, напр., Иоанн 7:14, см. прим. Сухомлинова, 36). Композиция в общих чертах такова: вступление — 5:1 и 7:14[5] — авторский комментарий — 5:2-4 — авторский комментарий — 5:5-6 — речь расслабленного, распространяющая 5:7[6] — ответ Спасителя, в т.ч. 5:8 — Фрагмент, распространяющий 5:9-10 — речь расслабленного, распространяющая 5:11 — 5:12-13 — речь Спасителя, распространяющая 5:14 — призыв св. Кирилла к слушателям/читателям — фрагмент, распространяющий 5:15 — заключение.

Перед нами два прежде описанных приема: перебивка повествования авторскими вставками-комментариями на уровне всего текста (преимущественно пространными речами диалогов) и на уровне фрагмента (минимальными сопровождающими комментариями по ходу изложения).

Точно так же включаются опорные стихи 9 главы от Иоанна в Слово о слепце, где цитируются или перефразируются стихи 1, 2, 3, 6, 7, 16, 18, 19, 24, 27, 28, 33, 34, 35, 38. Евангельское повествование вновь сокращается, а расширяющие текст фрагменты вновь представляют собой авторский комментарий или развернутые реплики участников событий. Так же организована и часть Слова на Фомину неделю (именно последняя часть, а не вся гомилия, в отличие от предыдущих случаев): в начале 20:24-26, затем речь Спасителя, текст которой основан на 20:27, ответ Фомы, текст которого основан на 20:28, и цитация 20:29 (почему-то отмеченная Сухомлиновым, см. прим. на с. 24, в отличие от многих не менее буквальных цитаций в Словах о расслабленном и слепце).

Таким образом, для другой группы Торжественных слов при пересказе евангельского эпизода характерно распределение (причем практически равномерное) дискретных единиц используемого текста по всему объему гомилии: это можно признать дальнейшим развитием отмеченных выше закономерностей. Общее содержание текста, его повествовательная основа и даже основные черты композиции — все это задается евангельским фрагментом, на зависимость от которого эксплицитно указывается лишь в самом начале гомилии, а иногда и не указывается

вовсе (еще один аргумент в пользу того, что маркированность цитаты не есть основной повод для выделения ее в качестве важной структурообразующей единицы древнерусского текста).

9. Наряду с функциями общеидеологической, нарративной и отчасти композиционной основы пересказываемый евангельский фрагмент выполняет в тексте Торжественных слов еще одну, казалось бы, гораздо более частную функцию стилистической организации текста. Евангельская цитата является одной из важнейших стилеобразующих структур в тексте Кирилловых гомилий, наряду с бинарным параллелизмом и амплификационным рядом (заимствуемым из гимнографически-гомилитической традиции).

Амплификационный ряд, несомненно значимый в синтаксической структуре Торжественных слов, подвергается тем не менее целому ряду ограничений, система которых и заставляет усомниться в его ключевой роли. Во-первых, это ограничение композиционное: неосложненный другими типами синтаксической организации амплификационный ряд оттесняется главным образом во вступления, похвалы и заключения. Во-вторых, ограничение в границах топоса: топосы с традиционным перечислительным рядом организованы у св. Кирилла компактными, преимущественно бинарными моделями. В-третьих, ограничение на синтаксических уровнях: амплификационный ряд сочетается с другими принципами организации, чаще всего с бинарностью, он господствует тогда на уровне фрагмента, но оттесняется с уровней предложения и синтагмы, и т.д.

Евангельская цитата является наиболее радикальным ограничителем амплификационного типа развертывания текста. Она формирует особый, наряду с амплификационным и господствующим риторическим (бинарные и тернарные модели), тип развертывания текста, который можно назвать нарративным (или нарративно-экзегетическим, учитывая частое соседство и одинаковый способ построения повествовательных и толковательных отрывков). Его характерная черта — отсутствие системы синтаксических параллелизмов, проявляющейся в их иерархическом соподчинении по синтаксическим уровням (фрагмент — преложение — синтагма — словоформа) и стилистической взаимозависимости одноуровневых конструкций. Параллелизмы здесь присутствуют, но неупорядоченные, нерегулярные и, как правило, не столько стилистические, сколько сугубо информативные.

Такой тип развертывания текста господствует только на протяжении нарратива или экзегезы, до тех пор, пока ритм оратора совпадает с ритмом евангельского повествования. Как только какое-либо евангельское указание начинает развертываться св. Кириллом в пространный самостоятельный фрагмент, вступают в действие собственно риторические и риторико-амплификационные модели, выстраивающие текст как систему

взаимосвязанных синтаксических параллелизмов, бинарных оппозиций и синонимических рядов (речи расслабленного и Христа в Слове о расслабленном после повествования, то же в Слове на Фомину неделю и т.д.).

Итак, в значительной стилистической разнородности эпидейктической гомилии, производной в известной степени от ее разнородных жанровых истоков, евангельская цитата играет роль одного из стилистических кристаллизаторов текста. Вокруг нее оформляется и преимущественно ею поддерживается один из важнейших способов синтаксического развертывания текста.

10. Переходя к третьему типу использования библейского текста в Торжественных словах св. Кирилла — немаркированной цитате — необходимо в первую очередь оговорить три следующие обстоятельства. Во-первых, сюда не относятся все случаи немаркированной цитации, отнесенной ко второму типу, то есть немаркированный пересказ евангельского сюжетообразующего эпизода. Во-вторых, хотя объем немаркированной цитации обычно преуменьшается или, по крайней мере, не учитывается, практически любые несколько строк в тексте св. Кирилла могут на поверку содержать библейскую цитату или хотя бы несомненный библеизм. Наконец, в-третьих, по сравнению с достаточно компактными двумя первыми типами третий может показаться неоправданно расширенным. Могут возникнуть сомнения, является ли "немаркированность" достаточным основанием для выделения целого функционального типа цитации.

Между тем два последних замечания взаимно объясняют друг друга. Именно семантическая и стилистическая поливалентность служат главными отличительными признаками этого типа цитации: отсюда возможность появления в любом контексте, отсюда возможность выделение в качестве единого типа. Сколь бы ни были разнообразны позиции цитат других типов, они все же и в одном, и в другом случае группируются вокруг некоего конкретного центра, и выполняют в тексте вариативные, но и сводимые к одному инварианту функции. Немаркированность цитаты значит в тексте Торжественных слов св. Кирилла ее невключенность в четко определенные ряды, семантико-стилистическую несвязанность; это своего рода компенсация за функциональную и позиционную ограниченность других типов цитации.

Рассмотрим несколько немаркированных цитат из Слова о расслабленном[7]:

1) *Богови ся молю, и не послушает мене, зане превъзидоша безакония моя главу мою. Врачем издаях все мое имѣние, и помощи улучити не възмогох: нѣсть бо зелия, могуща Божию казнь прѣмѣнити* (332; Пс. 37:5).

2) *Господи, человѣка не имам въложаща мя в купѣль; вси бо уклонишася и неключими быша, и нѣсть творящаго блага,*

нѣсть ми единого, и не разумѣють вси творящии безаконие (333; Пс. 13:3-4; ср. Римл. 3:10, 12).

3) *Тебе ради не видим сы ангельскым силам, всѣм человѣком явихъся; не хощю бо Моего образа в тлѣнии презрѣти лежаща, нъ хощю и спасти и в разум истиньный привести* (333; I Тим. 2:4).

4) *Аще не радуетеся преславному чюдеси, понѣ не завидите даному мнѣ съдравию. Не будѣте яко конь и мъск, им же нѣсть разума* (334; Пс. 31:9)[8].

Разумеется, такая малая выборка не может ничего доказывать, но свидетельствовать о разнообразии в использовании немаркированной цитаты может: объем от половины стиха до стиха и более, в речи Спасителя и других участников событий (а есть и в авторской речи), ветхозаветные и новозаветные книги, законченное предложение и нуждающийся в синтаксическом оформлении оборот и т.д. Первые два примера — из жалобы расслабленного, семантика и стилистика которой заданы некоторыми псалмами и, возможно, книгой Иова (но вся структура самостоятельна и совершенна); в этих случаях общность формальной и семантической организации позволяет с легкостью инкорпорировать библейский фрагмент в текст (1-е лицо в примере 1; общий смысл сетования; в примере 2 — соотношение между кванторами "ни одного", подразумеваемым в авторском тексте[9] и эксплицитно представленным в псалтырном и т.д.).

Но уже семантика отповеди иудеям отлична от семантики вводимой в нее цитаты (пример 4); цитата своим появлением не поддерживает и развивает общую семантику, а привносит совершенно новый семантический пласт. Это, конечно, возможно в том числе потому, что есть общность в формальной организации текста (императив как текстообразующая категория) как, впрочем, и в семантической (общий смысл осуждения и упреки в неразумии). Напротив, в примере 3 как раз семантика текста и цитаты совпадает достаточно полно, но св. Кирилл, в задачу которого входит передать речь Спасителя, меняет 3-е лицо библейского текста на 1-е, то есть видоизменяет формальную структуру используемого текста.

Редко, но возможно в гомилиях св. Кирилла соединение цитат из двух библейских источников: "*Кдѣ ти, смерти, побѣда, кдѣ ти, аде, жало!* (I Кор. 15:55, ср. Ос. 13:14). *Воста бо яко спя Господь и воскресе спасая ны* (Пс. 77:65)" (412). В таких случаях семантическое приращение, возможное, в частности, благодаря общности формальных категорий, заставляет вспомнить основные законы центонной поэтики.

Вообще, столь широкая сочетаемость подобного типа цитации объясняется, с одной стороны, свободой формального преобразования, вплоть до контаминации; с другой стороны — жанровым и эмоциональным разнообразием различных фрагментов текста (похвала, плач, жалоба, молитва, богословский диспут,

повествование, описание, толкование, отповедь и т.д.); наконец, возможностью введения цитаты в контекст, семантическая близость к которому свойственна ей лишь в самом общем виде.

В целом этот тип библейской цитации в текстах св. Кирилла приближается к заимствованиям из святоотеческих гомилетических текстов (тоже, кстати, всегда немаркированным) по общей функции расширения текста. Основная задача подобных цитат — освоение (через присвоение) традиционного текста, обогащение словаря (в самом широком смысле), привнесение в текст новых символов, формул, а также разновидностей семантической и стилистической организации текста. Не забудем, что "содержательный смысл средневековой литературы — в накоплении подобных языковых формул <...>, с помощью которых можно было описать реальность быта и истинность бытия" (Колесов 1989, 138).

11. Необходимо сказать хотя бы несколько слов о тех библейских цитатах в составе Торжественных слов, которые не относятся ни к одному из вышеназванных типов, т.е., будучи маркированными, не являются ни сугубыми цитатами в составе цитатных блоков, ни фрагментами евангельского текста-основы. Выше уже было сказано, что около половины их относится к Слову на Вознесение, а общее число, даже с учетом этих цитат, не превышает 10%. Часть таких цитат (особенно в Слове на Вознесение) употреблена в прямой речи, точнее, они как бы и есть эта прямая речь. Другие их примеры суть переходные случаи к выделенным типам: к первому, сугубой цитате, если это пророчество (например, Захария в Словах Вербном, 4, и на Вознесение, 50), или к третьему. Стоит сравнить три цитаты в Слове на Никейский собор: две, относящиеся к Арию и немаркированные (выделены Сухомлиновым, 59 и 62) и такую маркированную: "*Помяну бо* блжныи ц(с)рь пррочьское сло(в): сберѣте Ему прп(д)ныя Его, да ся прославить Бъ въ свѣтѣ стхъ Е(г)"(58). Функция приведенной цитаты переходная: не то указание на свершение пророчества, не то ссылка на св. Писание как стилистический прием. В прочих местах текста именно цитаты подобного рода в первую очередь оказываются немаркированными. Этот пример словно специально оставлен нам в подтверждение двух не всегда осознаваемых фактов: насколько просто св.Писание могло стать в средневековом тексте источником преимущественно стилистических эффектов и насколько св. Кирилл Туровский оказался далек от подобного соблазна. В его Торжественных словах, вопреки всем строгим замечаниям исследоватaлей XIX - начала XX вв., использование авторитета св.Писания всегда служит чему-то большему, чем стилистика: традиционной историософской концепции (сугубая цитата), либо общей организации текста с опорой на Евангелие. Иначе используется только библейское

выражение: задача обогащения языка авторитетом св. Писания не поддерживается.

12. Несколько слов о глаголах, вводящих цитату. Как и следовало ожидать, основных два: Рещи и глаголати, как нам примыкает писати; прочие окказиональные.

В немногих словах, когда цитата перебивается метатекстовым глаголом, употребляется форма *рече (рѣша): "Вселюся, ре(ч), въ вы, и похожю (...)"* (5); *"въставъ, рече, сберу братию Мою (...)"* (16); *"Раздражиша бо Мя, рече, в чужихъ (...)"* (46); *"пожроша бо ре(ч), дѣмоно(м) (...)"* (47); *"попрахъ бо я, ре(ч), въ ярости Моеи (...)"* (50); *"мужи бо, рѣша, галилѣистии, что стоити (...)"* (51); *"ищрева бо, ре, преже дньца родих Тя"* (60). Формы *рече/рѣша* вводятся, таким образом, после первого значимого слова, либо после двух, если это глагол + клитическое местоимение в функции прямого дополнения. В прямой речи, где эти формы не относятся к библейским цитатам, они могут помещаться еще дальше от начала прямой речи. В большинстве случаев глагол *рече* находится в связке с союзом причинной семантики *бо*; общий смысл "так как сказано" проливает дополнительный свет на общую семантику цитаты св.Кирилла. Характерно, что исследователем конструкций с прямой речью интерпозиция глаголов говорения связывается "с развитием древнерусской литературы, появлением в ней личностного начала" (Старовойтова 1993, 131), хотя и иллюстрируется примерами из гораздо более поздних текстов (там же, 132).

В блоках цитат св.Кирилл стремится к несовпадению вводящих цитаты глаголов. О случае *глаголеть - написа - рече - повѣдаеть* см. выше. В Вербном Слове: *заповѣда глаголя - пророчьствовавша - писавша* (7), причем в последней паре параллелизм усугубляется тождеством морфологических форм причастий и *параллелизмом* глаголов, от которых они зависят: ни помянуша Двди прророчьствовавша - ни *разумѣша* Софонию *писавша.* В Слове на Вознесение: *ликѣствують* глще - поущають глще - начинають пѣ(с) - взглашають - велегласують - глть - глсы окончавають - вопиеть (53). В Слове на Пасху формы от *писати, рещи и глаголати* (14). В самом обширном блоке, в Слове об Иосифе, формы от *писати, написати, рещи, прорещи, глаголати, вопияти, отвещати, молити* (27). В других случаях: *писа* и далее без глаголов (16), *писа гля* и далее без глаголов (45-46). В Слове о расслабленном однообразные формы от *глаголати* (39-40).

Стилистическое распределение этих глаголов, которое можно было бы предполагать в средневековом тексте, сведено к минимуму. "*Вопияти*" может и Церковь (53) и бесы (29). Моисей, как правило, *писа* (16, 28, 45, 60), но и *глаголеть* (19-20), и *заповѣда* (47). В тех текстах, где содержится маркированные пересказы Евангелия, первая цитата вводится формой от *глаго-*

лати; пассив образуется от *рещи*. Вообще, при введении библейской цитаты наиболее частым и наименее стилистически маркированным представляется *глаголати*, хотя, повторим, отличие его от *рещи* все же минимальны. (Тогда как вообще в языке св.Кирилла немаркировано именно рещи, см. Колесов 1981, 40-41).

13. Между тем возникает вопрос - каково соотношение описываемых здесь типов цитации, которые мы называли функциональными, с семиотическими функциями цитаты, выделенными С.Моравским и с дополнением И.П.Смирнова принятыми в статье Е.Б.Рогачевской (Рогачевская 1989а, там же см. библиографию)? Действительно, в цитации св.Кирилла можно различить и авторитарную, и субститативную, и орнаментальную функции. Но, во-первых, они настолько часто комбинируются в одном и том же факте цитирования, а во-вторых, настолько не охватывают важнейшие функции, выполняемые в тексте цитатой, что невозможно положить их в основу не только структурной, но и функциональной классификации.

В самом деле, цитаты, названные нами сугубыми, казалось бы представляют собой едва ли не классический пример "авторитарной цитаты". Но к этому сводима их функция только во внутренней реальности текста, для участников событий; там говорящий действительно отсылает к авторитету св.Писания, недвусмысленно подтверждающего его правоту. А какова функция этих цитат в тексте самой гомилии св. Кирилла? Наиболее ясна авторитарность в Слове на Никейский собор, где полемика с арианством не только описывается, но и продолжается самим автором (наличие и причины ее исторической актуальности - иной вопрос). И то функция цитаты здесь несводима к чистой авторитарности, хотя бы в силу опосредованности цитаты - именно как цитаты - прямой речью.

Тем более невозможно приписывать единственно авторитарную функцию блокам сугубых цитат в Словах на Пасху, об Иосифе, о расслабленном. Уверовать, увидев осуществление ветхозаветных пророчеств, могли признававшие св. Писанием именно и только Ветхий Завет, но к чему было уверять подобным образом восточнославянскую аудиторию XII в.? Более того - можно ли, опираясь на эту классификацию, вычленить функции сюжетообразующей евангельской цитации? И даже если мы укажем для каждого случая комбинацию цитатных функций, приведет ли это к адекватному пониманию тех реальных функций, которые выполняет в тексте библейская цитата?

Мы попытались обратить внимание на те особенности цитации, которые становятся ключевыми, функциональными в самом тексте св.Кирилла. Выяснилось, что цитатой в полном смысле слова, достаточно пространной, достаточно буквальной и непременно маркированной, является такой тип использования библейского фрагмента, при котором он оказывается цита-

той во внутренней реальности текста. Огрубляя, можно сказать: для того, чтобы быть вполне цитатой, библейскому тексту необходимо быть дважды цитатой. В то же время огромное значение имеет и использование евангельского фрагмента в качестве основы текста: идеологической, композиционной, нарративной, стилистической. Это обилие функции не размывает этот тип как таковой, стилистической. Это обилие функций не размывает этот тип как таковой, но размывает в нем признаки цитаты, понимаемой versus реминисценции и аллюзии. Наконец, немаркированные цитаты остаются наиболее убегающим от функционального истолкования фрагментом системы: это как бы ее семантический резерв. Опять огрубляя, скажем: поскольку функции двух первых типов, несмотря на всю вариативность, распределены довольно жестко, чтобы сохранить возможность семантической поливалентности, цитата должна быть немаркированной.

Наконец, последнее. Выше было указано на стилеобразующую роль евангельской цитаты в тесте торжественных слов св.Кирилла Туровского. В литературе высказано мнение об "отсутствии в тексте семантических изменений, вызванных влиянием цитаты" (Рогачевская 1989а, 19)[10]. Анализ материала с учетом высказанных здесь положений позволяет утверждать, что такие изменения - если их не понимать, конечно, как существенные сдвиги в конфессионально-идеологической области - библейская цитата в текст все же привносит, и подчас достаточно значительные. Но эта проблематика требует отдельной работы.

---

1 Возможны и другие разграничения, которые могут оказаться релевантными для какого-либо конкретного анализа. Здесь, повторимся, приведены лишь те, которые мы считаем основными.

2 Имеется в виду число фрагментов текста св. Кирилла, где Сухомлинов увидел цитату, а не число библейских фрагментов, послуживших источником цитаты.

3 Следует отметить два особых случая. Один раз св. Кирилл атрибутирует текст цитируемого Варуха Иеремии, и еще раз приводит цитату, которую не удалось найти ни у Исайи, ни в других книгах Ветхого Завета (23). Возможно, он взял ее из какого-то источника, где она уже была приписана Исайе.

4 Здесь и в других местах этой статьи сознательно избегается использование литературоведческого термина "персонаж".

5 Здесь и далее: текст, опирающийся на указанные стихи из Иоанна.

6 Текст описывается только с точки зрения отношения к евангельскому источнику.

7 В этом разделе текст св. Кирилла цитируется по публикации И.П.Еремина: Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XIII. М.-Л., 1957. С. 409-426; Т. XV. М.-Л., 1958. С. 331-348.

[8] Псалом 37 указан у Сухомлинова в качестве одного из образцов жалобы расслабленного, но без точного указания на стих 5 (Сухомлинов 1858, 12). Остальные цитаты, насколько мы можем судить, ранее в литературе не отмечались.

[9] Неизбежное упрощение. "Человѣка не имам" в действительности тоже библейский текст.

[10] Автор выражает признательность Е.Б.Рогачевской, в беседах с которой обсуждались основные положения этой работы.

Баженова-Рагрина С.И. Риторическая организация "Слова на святую Пасху" Кирилла Туровского и "Поучения на святую Пасху" Климента Охридского // Русский язык донационального периода. СПб., 1993. С. 68-75.

Баратынский А. Кирилл Туровский как проповедник // Духовный вестник. 1863. T.IV. Январь. С. 188-201.

Бегунов Ю.К. К стилистике торжественного красноречия: Кирилл Туровский и Григорий Цамблак // Търновска книжовна школа 1371-1971. София, 1974. С. 39-51.

Буланин Д.М. О некоторых принципах работы древнерусских книжников // ТОДРЛ.Т.37. Л., 1983. С. 3-12.

Вадковский А. (Антоний). Древнерусская проповедь и проповедники в период домонгольский // Православное обозрение. 1881. Сентябрь. С. 73-101.

Визгелл Ф. Цитаты из священного писания в сочинениях Епифания Премудрого // ТОДРЛ. Т. 26. Л., 1971. С. 232-243.

Виноградов В.П. Уставные чтения. Т. III. Сергиев Посад, 1915.

Владимиров П.В. Древняя русская литература киевского периода XI-XIII вв. Киев, 1900.

Голубинский Е. История русской церкви. T.I. Пол.I. М., 1880.

Двинятин Ф.Н. Топика и бинарные конструкции в Торжественных словах Кирилла Туровского (к постановке проблемы). В печати.

Еремин И.Н. Ораторское искусство Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 17. М.-Л., 1962. С.50-58.

Кабакчиев К. Към семантико-идеологичната и стилистичната интерпретация на "Похвално слово за Евтимий" от Григорий Цамблак // Palaeobulgarica. IX. (1985). 3. С. 87-98.

Калайдович К.Ф. В защиту творений Кирилла, епископа Туровского // Вестник Европы. 1822. № 6. С. 81-100.

Кара Н.В. Особенности цитирования традиционных текстов в поучениях Феодосия Печерского // Вестник ЛГУ. 1983. № 8. С. 64-68.

(Каченовский М.Т.) / Рец. на Калайдович К.Ф. Памятники российской словесности XII в. М., 1821 // Вестник Европы. 1822. № 1. С. 44-57; № 2. С. 130-138.

Козлов С.В. Из наблюдений над сюжетно-композиционными и стилистическими особенностями ораторской прозы Древней Руси ("Слово в неделю цветоносную" Кирилла Туровского и византийско-болгарская традиция) // Вопросы сюжета и композиции. Горький, 1982. С. 13-20.

Козлов С.В. Семантические аспекты "образа автора" в ораторской прозе Кирилла Туровского // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 3. М., 1922. С. 200-255.

Колесов В.В. К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 37-49.

Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.

Коновалова О.Ф. Конструктивное и стилистическое применение цитат в "Житии Стефана Пермского", написанном Епифанием Премудрым // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 29 (1979). Heft 4. S. 500-509.

Лопарев Х.М. Слово в великую субботу, принадлежащее Кириллу Туровскому. СПб., 1893.

Минчев Г. Книжовен паметник и ритуален език (за връзката на някои Климентови слова с богослужебните текстове) // Palaeobulgarica. IX (1985). 4. С. 91-102.

Мончева Л. Иоан Екзарх и руската хомилия от XII в. // Език и литература. 35 (1980). № 3. С. 67-73.

Наумов А.Е. Св. Кирилл Туровский и Священное Писание // Philologia Slavica. К 70-летию Н.И.Толстого. М., 1993... С. 114-124.

Николова Св. Кирилл Туровский и южнославянската книжнина // Palaeobulgarica. XII (1988). 2. С. 25-44; 3. С. 38-51.

Петухов Е.В. Русская литература. Древний период. Изд. 2-е. Юрьев, 1912.

Рогачевская Е.Б. Цитаты из Нового Завета в Торжественных Словах Кирилла Туровского // Материалы XXVI всесоюзной научной студенческой конференции "Студент и научно-технический прогресс". Филология. Новосибирск, 1988. С. 49-53.

Рогачевская Е.Б. Некоторые особенности средневековой цитации (на материале ораторской прозы Кирилла Туровского) // Филологические науки, 1989а. № 3. С. 16-20.

Рогачевская Е.Б. Использование Ветхого Завета в сочинениях Кирилла Туровского // Герменевтика древнерусской литературы. Сб.1. М., 1989б. С. 96-105.

Рогачевская Е.Б. Библейские тексты в произведениях древнейших русских проповедников (к постановке проблемы) // Там же. Сб. 3. М., 1992а. С. 181-199.

Рогачевская Е.Б. Библейские тексты в Византии и на Руси: Иоанн Златоуст и Кирилл Туровский // Балканские чтения, 2. М., 1992б. С. 81-84.

Розов Н.Н. Как "сделана" вступительная статья "Изборника 1076 года" // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 42-46.

Рождественская В.В. Некоторые особенности построения текста у Кирилла Туровского // Литературный язык Древней Руси. Л., 1986. С. 98-103.

Станчев Кр. Поетика на старобългарската литература. София, 1982.

Станчев Кр., Попов Г. Климент Охридски. Живот и творчество. София, 1988.

Старовойтова О.А. Взаимодействие частей конструкции с прямой речью в древнерусских текстах // Русский язык донационального периода. СПб., 1993. С. 127-133.

Сухомлинов М.И. О сочинениях Кирилла Туровского // Рукописи графа А.С.Уварова. Т. II. СПб., 1858. С. VII-LXXII.

Сушицький Т. До питання про літературну школу XII в. // Записки Українського наукового товариства в Київі. Кн. IV. Київ, 1920. С. 3-19.

Топорв В.Н. Слово и премудрость ("Логосная структура"): "Проглас" Константина Философа // Russian Literature 23-1. 1988. P. 1-80.

Топоров В.Н. Рабоники одиннадцатого часа - "Слово о Законе и благодати" и древнекиевские реалии // Russian Literature 24-1. (1988). P. 1-127.

Феринц И. К характеристике торжественного красноречия Климента Охридского и Кирилла Туровского // Първи международен конгрес по българстика. Доклади. Симпозиум Кирило-методивистика и старобългаристика. София, 1982. С. 128-134.

Шевырев С. История русской словесности. Ч. 2. Изд. 3-е. М., 1887.

Curtius R. Europäische Literatur und Lateinisches mittelalter. Bern, 1948.

Čiževsky D. Zur Stilistik der Altrussischen Literatur. Topik. // Festschrift für Max Vasmer. Wiesbaden, 1956. S. 105-112.

Naumov A. Biblia w strukturze artuczrej utworów cerkiewnoslowiańskich. Kraków, 1983. (Universytet jagielloński. Rozprawy Habilitacyjńne. № 75).

Vaillant A. Cyrill de Turov et Gregoire de Nazinze // Revue des études slaves. T. 26. P., 1950. P. 34-50.